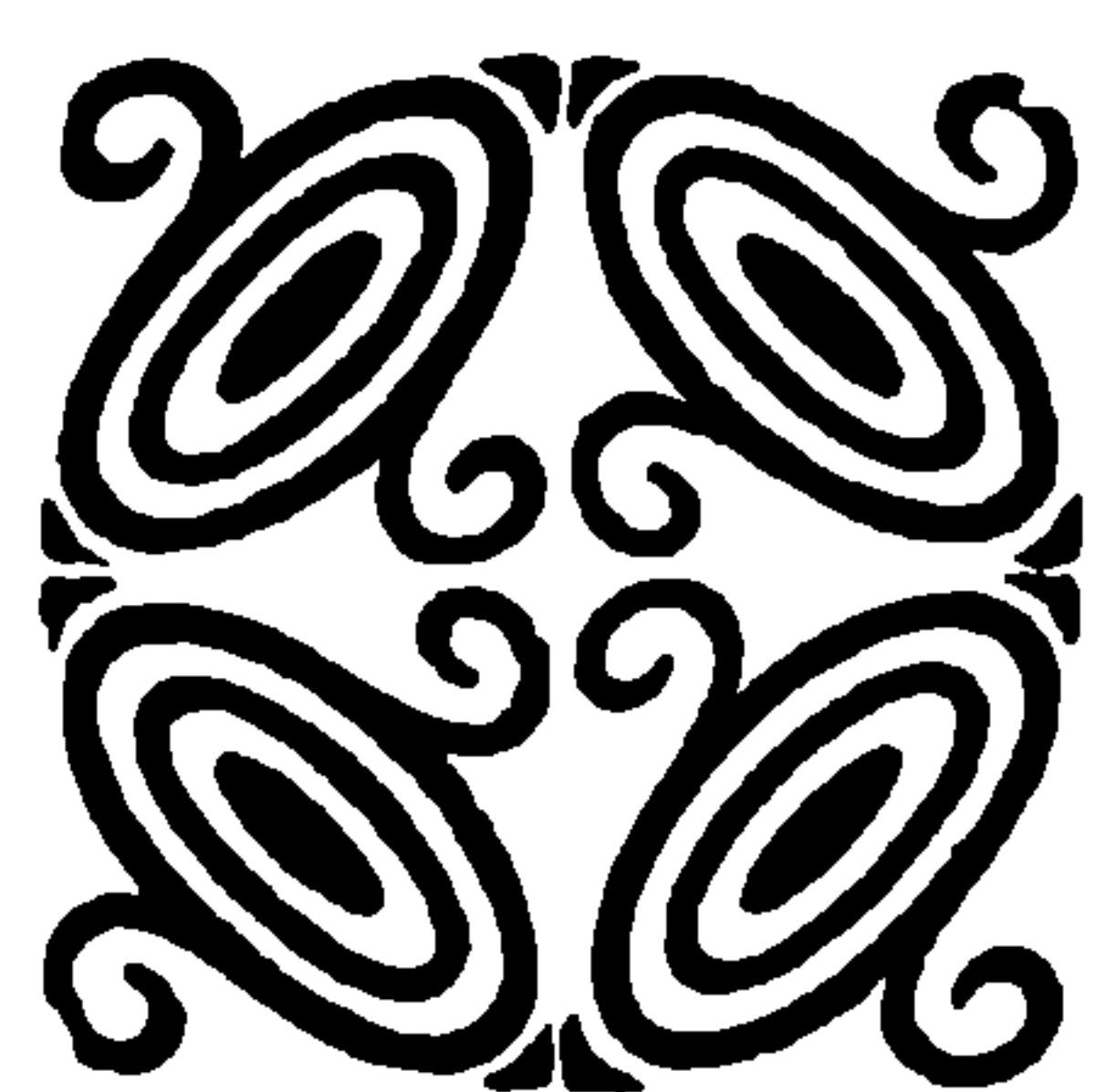

Ю. П. РУСАКЪ.

**МУКАЧЕВСКАЯ ЕПАРХІЯ
І ЕЯ БОРЬБА
ЗА ПРАВА РУССКАГО ЯЗЫКА
И НАРОДНОСТИ
ВО ВРЕМЯ ЕПИСКОПСТВА В. ПОПОВИЧА.**

**УЖГОРОДЪ, 1930.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».**

Ю. П. РУСАКЪ.

**МУКАЧЕВСКАЯ ЕПАРХІЯ
І ЕЯ БОРЬБА
ЗА ПРАВА РУССКАГО ЯЗЫКА
И НАРОДНОСТИ
ВО ВРЕМЯ ЕПИСКОПСТВА В. ПОПОВИЧА.**

**УЖГОРОДЪ, 1930.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩІ».**

Отдельный оттискъ изъ «Карпаторусского Сборника» 1930 г.

Мукачевская епархія и ея борьба за права русского языка и народности во время епископства Василія Поповича.

I.

Вторая половина епископства Василія Поповича совпала съ временемъ, послѣдовавшимъ за пораженiemъ мадьярской революціи 1848—49 гг. Австрія, за лояльное отношение къ династіи, отблагодарила немадьярскія народности, населяющія Венгрію, въ томъ числѣ и карпаторуссовъ, нѣкоторымъ подобiemъ равноправія: она признала, по крайней мѣрѣ — формально, ихъ національныя и культурныя права. Однако, какъ кажется, это не было сдѣлано искренно, такъ какъ конечною цѣлью, къ которой должны были привести сдѣланныя уступки, была замѣна прежней мадьяризациіи — подобной же германизацией. Такимъ образомъ, управленіе карпаторусской церкви, этой единственной носительницы русской культуры, оказалось въ весьма тяжеломъ положеніи. Несмотря на данныя австрійскимъ правительствомъ обѣщанія, ему пришлось много бороться съ германизаторскими попытками Намѣстничества за права русского языка и тѣмъ вызывать противъ себя, кромѣ недовольствія послѣдняго, также и подозрѣнія и злобу со стороны мадьяръ, съ которыми, какъ и оказалось впослѣдствіи, все-таки необходимо было считаться. Кромѣ того, епархіальному управлению приходилось также отражать и словацкія и румынскія притязанія. Немало заботъ причиняли ему также попытки Намѣстничества навязать карпаторуссамъ полонизованное галицко-русское нарѣчіе. И, въ концѣ концовъ, епархія не могла не принимать во вниманіе и требованій Острогомскаго архіепископа, какъ своего начальника-митрополита, относительно преподаванія въ Богословской семинаріи на латинскомъ языкѣ. Само собою разумѣется, что все это весьма осложняло и затрудняло борьбу за права русского языка. Мы изложимъ здѣсь главнѣйшія, весьма поучительныя, фазы этой настойчивой борьбы.

Самымъ важнымъ и существеннымъ вопросомъ являлась, конечно, борьба за права русского языка въ народныхъ и среднихъ школахъ, не только въ Ужгородѣ, но и въ Мукачевѣ, Мараморошскомъ Сиготѣ и въ Новомъ Мѣстѣ подъ Шатромъ. По этому по-

воду епархії пришлось вести оживленну переписку съ Кошицкимъ отдѣломъ Намѣстничества, къ округу которого принадлежала епархія.

Въ 1852 г. Іоаннъ Чурговичъ, директоръ Ужгородской гимназіи, на запросъ жупана Кошицкаго округа, предложилъ во всѣхъ восьми классахъ гимназіи преподавать русскимъ учащимся русскую грамматику и Законъ Божій по русски. Одновременно онъ просилъ епархію пожертвовать 5.000 гульденовъ на «великую гимназію». Чурговичъ, кажется, предвидѣлъ двойную игру правительственныхъ круговъ по отношенію къ карпаторусскому народу, а потому и рѣшилъ дать починъ къ большому національному дѣлу, а именно, учредить на народныя средства собственную русскую гимназію. Консисторія обсуждала предложеніе Чурговича и рѣшила потребовать отъ Намѣстничества учрежденія восьмиклассной гимназіи («великой гимназіи») подъ ея управлениемъ и съ равными съ мадьярскимъ правами русского языка. Это было желаніе русскихъ греко-католиковъ. На случай, если-бы правительство отказалось пойти навстрѣчу этому желанію, было рѣшено, что епархія, послѣ полученія разрѣшенія, приступить къ сбору средствъ на русское учебное и воспитательное заведеніе.

31 іюля того-же года Кошицкій отдѣль сдѣлалъ новый запросъ относительно Ужгородской гимназіи. Въ связи съ этимъ было рѣшено предложить ему слѣдующее: 1) въ Мараморошскомъ Сиготѣ учредить гимназію съ восьмью классами, такъ какъ на эту цѣль администрацией государственныхъ имуществъ была собрана, «изъ продаванія Шуличулскія квасныя воды», значительная сумма, тѣмъ болѣе, что тамъ уже кальвинисты имѣютъ свою гимназію; 2) въ Мукачевѣ учредить гимназію или реальную школу изъ четырехъ классовъ; 3) въ Ужгородѣ, какъ епархиальномъ центрѣ, учредить восьмиклассную гимназію; 4) въ Новомъ Мѣстѣ подъ Шатромъ учредить гимназію съ четырьмя классами («малую гимназію»). Этого требуетъ не только справедливость, но и «образованіе народа русскаго», такъ какъ большая часть учениковъ состоитъ изъ «русскихъ юношей».

Въ засѣданіи 17 сентября 1856 г. епархиальное управление снова занялось судьбой русского языка въ Ужгородской гимназіи. Въ виду того, что «русское юношество» составляетъ абсолютное большинство, а епархія — по большей части — изъ него получаетъ кадры своего духовенства, она настаивала на полныхъ правахъ русского языка и требовала, чтобы обученіе ему начиналось съ перваго класса. Кажется, что Кошицкій отдѣль поставилъ нѣкоторыя требованія относительно словацкаго языка, такъ какъ епархія сочла нужнымъ объяснить, что «юношество — съ малымъ изъятіемъ — русское, а не словацкое». Въ томъ-же засѣданіи было рѣшено требовать, чтобы въ Сиготской гимназіи, какъ «околицѣ русской», преподавался русскій языкъ, какъ и румынскій, съ перваго класса.

Въ концѣ 1856 г., въ связи съ потребностью во второмъ законо-

учителъ (catechite) въ Ужгородской гимназіи, быль снова поднять вопросъ о русскомъ языке въ послѣдней. Кошицкій отдельъ обратился къ епархіальному управлению съ запросомъ, не могло бы ли русское юношество обучаться Закону Божію совмѣстно съ римо-католиками такимъ образомъ, чтобы оно въ обрядѣ и языке получало отдельно одинъ урокъ въ недѣлю? Епархія воспротивилась этому предложению по слѣдующимъ соображеніямъ: russkie воспитанники количественно значительно превышаютъ римско-католическихъ; всѣ они становятся впослѣдствіи священниками или переходятъ на учительское или пѣвческое поприще; изъ-за большого числа воспитанниковъ, ихъ даже физически нельзя сразу собрать въ одинъ залъ. Поэтому необходимы два законоучителя для русского юношества. Учитель русского языка и литературы будетъ достаточно занять 16 уроками еженедѣльно, считая лишь по два часа въ каждомъ классѣ, такъ что уже поэтому требуется особый преподаватель русского языка. А между тѣмъ, прежніе учителя уволены, а вновь предложенные не приняты. На скорѣйшемъ разрешеніи вопроса о второмъ законоучителѣ и особомъ учителѣ русского языка въ Ужгородской гимназіи епархія настаивала и въ теченіе слѣдующаго, 1857 года. (Засѣданія 25 марта, 30 сентября и 22 декабря). Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, какъ явствуетъ изъ доклада Николая Гомичкова въ засѣданіи консисторіи 1 марта 1862 г., удалось достигнуть лишь того, что, по рѣшенію Будинскаго Намѣстническаго совѣта, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, какъ історія и географія, должно было вестись на русскомъ языке лишь въ параллельныхъ классахъ, такъ какъ преобладающее число учителей русскимъ языкомъ не владѣетъ. Поэтому, предлагалъ Гомичковъ въ означенномъ засѣданіи, слѣдовало-бы обратиться къ «высочайшему мѣсту» съ ходатайствомъ о назначеніи въ Ужгородъ лишь тѣхъ учителей, которые владѣютъ въ совершенствѣ какъ мадьярскимъ, такъ и русскимъ языкомъ.

Аналогичныя старанія епархіи получить въ Новомъ Мѣстѣ подъ Шатромъ русского законоучителя и учителя русского языка не увѣнчались успѣхомъ, несмотря на то, что число русскихъ воспитанниковъ мѣстной гимназіи, согласно докладу тамошняго духовника, доходило до 50-ти и еще могло увеличиться. (См. засѣданія 1 марта и 18 ноября 1862 г.).

Въ то-же время епархія очень энергично выступала также въ защитѣ правъ русского языка въ Мараморошъ-Сиготской гимназіи, ссылаясь всегда на успѣхи румынского языка. Свои претензіи, въ засѣданіи 25 марта 1857 г., епархія обосновывала такъ: «Понеже въ столицѣ Мармарашской, по содержанію счисленія, тамошнимъ столице-начальникомъ содѣланного, 93 тысячи душъ русского, а только 56 тысячъ душъ волошского языка обрѣтаются, и высочайшаго министерства опредѣленіе, 24 мая 1857 г. изданное, туда простирается, чтобъ какъ волошскій, такъ и русскій языкъ въ нашихъ гимназіяхъ преподавался, того ради К. Ц. Мѣстодержательство, отдельъ Кошицкій, попрошенъ будетъ, чтобы онъ отъ предпочтен-

наго министерства высредствовалъ, дабы во подвопросной гимназіи какъ волошскій, такъ и русскій языкъ преподаванъ былъ». И странія епархіи не остались безрезультатными. Сиготская гимназія піаристовъ, состоявшая тогда только изъ четырехъ классовъ, дѣйствительно получила со временемъ кафедру русскаго языка, отдельного же русскаго законоучителя на жалованіи получила уже съ 1857 года.

Одновременно епархія должна была защищаться и противъ попытокъ германизаціи, которая проявлялись не только въ томъ, что Намѣстническій совѣтъ иногда въ очень рѣзкой формѣ отклонялъ бумаги на русскомъ языкѣ и требовалъ отъ духовенства нѣмецкой корреспонденціи, но и въ томъ, что онъ даже пытался ввести нѣмецкій языкѣ въ народныя школы и предлагалъ имъ нѣмецкіе учебники.

Такъ, въ 1855 г. Кошицкій отдель отослалъ обратно нѣмецкую бумагу, возвращенную ему было епархіей для перевода на латинскій языкѣ, съ припиской, что мѣстное духовенство достойно сожалѣнія «про невѣжество нѣмецкаго языка». 27 іюня того-же года консисторія постановила по поводу этого отношенія обратиться прямо къ королю съ просьбой о защитѣ отъ подобныхъ оскорблений и о распоряженіи, чтобы отдельы обращались къ ней на русскомъ языкѣ, а въ крайнемъ случаѣ — по-латыни или по-мадьярски. Варадскій и Кошицкій отдельы дали на это требование въ 1858 г. отрицательный отвѣтъ. Тогда было рѣшено снова обратиться къ королю съ такимъ-же ходатайствомъ вторично. (Засѣданіе 20 апрѣля 1858 г.)

Въ вопросѣ о перепискѣ съ властями епархія вообще стойко защищала свое положеніе и до разрѣшенія спора приказала духовенству вести ее только по-русски (засѣданіе 1 марта 1854 г.). Духовенство весьма сочувственно отнеслось къ епископскому распоряженію, а благочинные округа старались поддержать епархію еще и тѣмъ, что одинъ за другимъ, особенно Мараморошскіе. Бережскіе и Земплинскіе, требовали, чтобы правительственный органъ «Законническій Вѣстникъ» издавался и въ дальнѣйшемъ на русскомъ языкѣ*). (См. «Записникъ поднесеній» 1852 г.)

На попытки Кошицкаго отдельа ввести нѣмецкій языкѣ въ мѣстныя народныя школы консисторія отвѣтила, что населеніе епархіи говоритъ на русскомъ, румынскомъ и мадьярскомъ языкахъ, нѣмецкаго же не знаетъ совершенно, а поэтому не только вводить въ школы нѣмецкій языкѣ, какъ обязательный, но даже и рекомендовать его невозможно. Тѣмъ не менѣе, однако, уже въ

*) Интересно сравнить это съ положеніемъ во время епископства Г. Панковича, когда счеты за 1865—66 гг., составленные I. I. Раковскимъ на русскомъ языкѣ, были предложены въ 1867 г. на «высочайшее мѣсто» лишь съ оговоркой, что онъ приметъ на себя «послѣдствія». Отмѣтимъ мимоходомъ, что Раковскій оказался на высотѣ и не испугался этого, какъ и вообще до конца остался неустранимымъ борцомъ за русскій языкѣ и національныя права Подкарпатской Руси.

1852 г. Кошицкій отдѣль прислалъ нѣмецкую книгу для школъ. Епархія отклонила ее, указавъ опять, что въ мѣстныхъ школахъ нѣмецкій языкъ неизвѣстенъ и книга просто не будетъ понята. (См. «Записникъ поднесеній» 1852 г.)

Кошицкій отдѣль, какъ уже было упомянуто выше, дѣлалъ попытки и относительно введенія въ карпаторусскія школы и словацкаго языка. Въ виду того, что тогдашнее положеніе весьма поучительно и для нынѣшняго времени, мы приведемъ всѣ данные по этому вопросу, какія намъ удалось установить за время епископства В. Поповича. (См. «Записникъ поднесеній» 1852—1854 гг.)

Такъ, з февраля 1852 г. Кошицкій отдѣль прислалъ епархіи книги на словацкомъ языкѣ и просилъ ихъ «обнародовать». Отвѣтъ епархіального управленія былъ таковъ: «Во епархіи сей не словацкій, но русскій языкъ во употребленіи есть, и сего ради въ мѣстѣ семъ именованныя словацкія книги учителемъ и народу обнародованы быти не могутъ». 13 марта того-же года внесено въ «Записникъ»: «Кошицкій отдѣль прислалъ книги на словацкомъ языкѣ не для народныхъ школъ нужнаго употребленія». Въ рѣшеніи епархіального управленія говорится по этому поводу слѣдующее: «Такъ какъ въ семъ письмѣ утверждается, что въ Земплинѣ только 31.129 русиновъ есть, потому, собору убо Занастаскому чисто русскому, Межибодроѣскому же и Гедзялянскому мадьярскимъ суїцимъ, прибавленныя книжки, опыта ради, до Мигальовскаго, Сечовскаго, Требишовскаго и Угельскаго собора такъ посылаются, да-бы тамъ употреблялись»; если-бы же это не удалось, то пусть благочинные сдѣлаютъ основательные доклады, чтобы можно было убѣдить Кошицкій отдѣль, что въ перечисленныхъ благочинныхъ округахъ вѣрюющихъ нельзя причислять къ словакамъ. 23 іюля того-же года Кошицкій отдѣль предложилъ епархіи Библію на словацкомъ языкѣ. Относительно нея было рѣшено, что «въ сей епархіи нельзя ее употребляти, ибо нашъ народъ не словацкимъ, по русскимъ языккомъ говорить и на русскомъ языкѣ имѣеть Библію». За 9 октября 1854 г. тамъ-же читаемъ, что книги словацкія, присланныя Кошицкимъ отдѣломъ, нельзя ввести, такъ какъ епархіальная «первоначальная училища или русски, или румынски, или мадьярски». Въ 1855 г. благочинный Винянскаго округа сообщилъ епархіи о томъ, что мѣстный «обходный правосудецъ» (окружный начальникъ), Имрикъ Ревицкій, устраниетъ русскихъ учителей и на ихъ мѣсто назначаетъ лицъ, не знающихъ по-русски, при чемъ приказываетъ имъ учить во всѣхъ школахъ на словацкомъ языкѣ. Епархія подала по этому поводу жалобу Кошицкому отдѣлу, прося его приказать окружному начальнику не вмѣшиваться въ дѣла, его не касающіяся.

Не менѣе вниманія заслуживаетъ отношеніе епархіи къ попыткамъ навязать Подкарпатской Руси галицкое нарѣчіе. Укажемъ на эти случаи въ порядкѣ ихъ возникновенія.

Въ 1854 г. Кошицкій отдѣль прислалъ для употребленія въ

школахъ напечатанный въ Галичинѣ катехизисъ. Епархія указала, что имъ нельзя воспользоваться, такъ какъ онъ «не тѣмъ русскаго языка нарѣчіемъ сочиненъ есть, которымъ русскій народъ на Угорщинѣ пользуется». Въ засѣданіи 23 ноября 1859 г. было рѣшено дать исправить галицкую «Руску другу читанку для школъ народныхъ» отъ «польскихъ» формъ и выраженій, руководясь грамматикой Мразовича. Въ 1862 г. Будинскій Намѣстническій совѣтъ прислалъ «Вѣроученіе» и «Нравоученіе», составленныя для 7—8 классовъ гимназіи львовскимъ преподавателемъ Закона Божія Лукою Цыбикомъ. Эти учебники были даны для отзыва Николаю Гомичкову съ запросомъ, «якимъ способомъ можно бы ихъ къ нашему нарѣчію способити? Рѣшеніе епархіи относительно «Русской читанки», введенной въ Галичинѣ и Буковинѣ въ «повторительныя училища» и присланной для карпаторусскихъ школъ въ 1863 г. Будинскимъ Намѣстническимъ совѣтомъ, было таково: «Читанку сию, про галицкое нарѣчіе и грамматическое свое склоненіе, такъ, какъ сложена есть», безъ приспособленія къ мѣстному нарѣчію, въ школы допустить нельзя. Подобныя же рѣшенія вынесла консисторія и относительно присланныхъ ей въ томъ-же году галицкихъ изданій «Библейской исторіи» и «Исторіи церкви».

Былъ случай, когда, въ свою очередь, Будинскій Намѣстническій совѣтъ не одобрилъ одинъ мѣстный карпаторусскій учебникъ — «про грамматику велико-русскую»; это была «Новая русская азбука», изданная Андреемъ Поповичемъ въ 1860 г. Тогда епархія постановила предложить издателю, если онъ желаетъ, чтобы книга была допущена въ школы, «оную нашему нарѣчію больше приспособить»*). (Засѣданіе 21 августа 1860 г.)

Говоря о дѣятельности епархіального управлениія въ защите правъ и чистоты русскаго языка, нельзя не упомянуть также и о томъ, что Николай Гомичковъ, въ засѣданіи 22 ноября 1862 г., внесъ предложеніе назначить премію въ 200 гульденовъ за наиболѣе составленную русскую грамматику. Предложеніе было передано для исполненія «Русскому Литературному Содружеству». Въ 1863 г. Георгій Игнатковъ, воспитаникъ Ужгородской духовной

*) Въ виду того, что въ приведенныхъ выше епархіальныхъ постановленіяхъ часто говорится о мѣстномъ, «нашемъ» нарѣчіи русскаго языка, въ противоположность «галицко-польскому» нарѣчію, не лишнимъ будетъ привести здѣсь, кстати, небольшой словарикъ, извлеченный исключительно изъ протоколовъ консисторіи времени епископства В. Поповича. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что такія слова, какъ «господинъ», «годъ», «какъ», «такъ-какъ», «что», «чтобы», употребляются постоянно; употребляетъ ихъ и самъ епископъ. Въ спряженіи прошедшаго времени всегда встрѣчается окончаніе «л» (напр., «получилъ»), въ настоящемъ времени — «т» (напр., «имѣетъ»). «Русскій» и «руссинъ» — всегда съ двумя «с». Часто употребляются выраженія: «отдѣль», «здѣшное епархіальное правительство», «причетническое стеченіе» (собраніе), «архивъ-листохранилище», «нравопись» (личная характеристика), «срокъ опредѣлити», «припадающая часть» (напр., фундациі). «слишкомъ слабо учившійся», «на пользу», «съ ума сшедшихъ», «увѣдомлять», «жалованіе», «чеканити медали», «безпосредственное вознагра-

семинарії, предложилъ консисторії для одобренія свой переводъ русской грамматики съ нѣмецкаго на мадьярскій языкъ; этотъ переводъ былъ переданъ ею для отзыва тому-же «Содружеству».

Много заботъ причиняло епархіальному управлению богословское обученіе и, въ особенности, языкъ учебниковъ. Острогомскій архієпископъ требовалъ, чтобы обученіе богословскимъ предметамъ велось, по возможности, по-латыни, исходя при этомъ, надо думать, изъ соображенія, чтобы воспитанники, пользуясь русскими учебниками, не заразились «схизмой». Конечно, епархіальное управление должно было съ этимъ считаться и дѣлать латинскому языку уступки, но мы увидимъ, что оно и въ этомъ отношеніи не отступало отъ принятой линіи и, признавая полностью пользу знанія латинскаго языка, стремилось все-таки въ то-же время избавиться отъ чужой опеки и защищалось иногда довольно рѣшительно. Вотъ главныя фазы переписки по этому поводу:

Острогомскій архієпископъ Сцитовскій, въ началѣ 1855 г., сдѣлалъ епархіи запросъ о томъ, правда-ли, что въ Богословскомъ лицѣ русское юношество обучается по-русски, а румынское — по-румынски, и почему? Епархіальное управление отвѣтило, что это происходит потому, что «юношество по-латыни отнюдь не умѣетъ». (Засѣданіе 20 января 1855 года). Что касается самихъ воспитанниковъ, то они со своей стороны высказывались за русскій языкъ преподаванія. Такъ, напр., слушатели III и IV отдѣленій ходатайствовали передъ епархіальнымъ управлениемъ, чтобы имъ было разрѣшено учиться по-русски; въ другой разъ они-же просили о разрѣшениі учиться на русскомъ языкѣ всѣмъ предметамъ, въ томъ числѣ и догматикѣ и моральному богословію. Въ связи съ этимъ было рѣшено послать Острогомскому архієпископу слѣдующій отвѣтъ: «3- и 4-рочнымъ богословія слушателямъ, аки по-латыни лучше умѣющимъ, (преподавать) науки богословія латинскимъ языккомъ; юношамъ же 1- и 2-рочнымъ, аки по-латыни не знающимъ, русскимъ и мадьярскимъ языккомъ преподаваются, и тіи таковыми языками учатся». Этимъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ окончательно. Сцитовскій не былъ удовлетворенъ извѣщеніемъ епархіального

жденіе убытокъ», «разводъ», «очень великую шкоду перетерпѣвый», «дряхлое здравіе», «гармоническое пѣніе», «сладкогласное пѣніе», «епитрахиллический доходокъ», «понятникъ» (концептъ), «высредствовати», «подвопросный», «отнюдь», «понеже», «того ради», «сѣмо присланный», «аки материнскій языкъ», «мѣстодержательный совѣтъ», «юношество», «не то-чію», «не токмо», «порядочно», «чтобъ должность въ состояніи исполнять былъ», «нужное въ семъ дѣлѣ опредѣленіе», «предвоспріятое и прочтенное отписаніе», «мѣстоблюстительство епископское», «почетническое мздо-возданіе», «препослати имѣть», «прошеніе», «предреченный», «руководствованія», «для чиновственного вѣдомства», «здѣзъ зазначенное», «счеты», «бесѣдою привѣтствовать», «извѣщеніе», «междувременные доходы», «лучше» и т. д. Еще одно вѣскoe доказательство, насколько правъ былъ проф. А. Л. Петровъ, когда сказалъ, что въ Подкарпатской Руси всегда и повсюду проявлялось стремленіе, «по возможности сохранить чистоту литературного языка и связь съ прежними литературными традиціями» (Материалы для исторіи Угорской Руси, СПб. 1906, IV, 23).

управления, ибо, какъ онъ отвѣтилъ, за неимѣніемъ утвержденныхъ учебниковъ, можетъ вкрадься какое-нибудь заблужденіе, а, кромѣ того, сокровища латинскихъ церковныхъ отцовъ будутъ скрыты отъ карпаторусского духовенства. Архіепископъ былъ того мнѣнія, что русскій языкъ можетъ оставаться языкомъ преподаванія, но нужно употреблять латинскихъ авторовъ. Отвѣтъ епархіального управления гласилъ: «Передъ значительнымъ временемъ и праотцы наши, егда соединенія съ Римскаго набоженства католическою церковью явно изрекли, токмо русскимъ языккомъ богословію слухали и обучались»*); вмѣстѣ съ тѣмъ епархія увѣряла, что отъ этого не можетъ быть никакой опасности, тѣмъ болѣе, что тезисы испытаній ежегодно предъявляются архіепископу. Слѣдовало-бы — по мнѣнію консисторіи — заботиться о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, уже въ 7 и 8 классахъ гимназіи юноши обучались нѣкоторымъ предметамъ на латинскомъ языкѣ, или-же, чтобы кандидаты богословія отдельно подготавливались по латинскому языку.

Дѣло закончилось тѣмъ, что префекту семинаріи была асигнована извѣстная сумма съ обязанностю учить въ Богословской семинарії латинскому языку, чтобы такимъ образомъ облегчить воспитанникамъ обученіе нѣкоторымъ предметамъ на латинскомъ языкѣ.

Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить кстати, что, кромѣ заботъ и стараній о русскомъ характерѣ Ужгородской духовной семинаріи, епископъ В. Поповичъ и консисторія посылали также ежегодно по нѣсколько карпаторусскихъ юношѣй и во вновь возстановленную въ 1852 г. Вѣнскую духовную семинарію св. Варвары, являвшуюся всегда центромъ и крѣпостью русской національной мысли и жизни въ Австріи. Эта посылка карпаторусскихъ воспитанниковъ въ Вѣнскую семинарію продолжалась вплоть до епископства Г. Панковича, который прекратилъ ее изъ боязни, чтобы тѣ не «омоскалились»...

II.

Къ этому-же времени относятся также, между прочимъ, и нѣкоторые труды по исторіи Угорской Руси, о которыхъ въ наукѣ ничего не извѣстно, но о которыхъ слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ они тоже свидѣтельствуютъ о пробужденіи культурно-національной жизни въ Подкарпатской Руси во время епископства В. Поповича.

Такъ, Георгій Игнатковъ, слушатель богословія въ Ужгородѣ, перевелъ въ 1861 г. на мадьярскій языкъ сочиненіе А. Ф. Гильфердинга «Венгрія и Славяне», изданное въ 1860 г. въ Москвѣ. (См. засѣданія консисторіи 12 октября и 9 ноября 1861 г.). Въ свою

*) Что русскій языкъ и послѣ заключенія унії преобладалъ въ карпаторусской церковной жизни, а въ частности, что въ Мукачевской Богословской школѣ преподаваніе велось всегда по-русски, см.: Ю. Гаджега, Исторія Ужгородской Богословской Семинаріи, Ужгородъ, 1928.

очередь, въ засѣданіи 12 іюля 1864 г. рассматривалась просьба духовника Пряшевской епархіи Афанасія Кохины, намѣревавшагося издать «Исторію русскаго нашого народа, найпаче же въ соборѣ Лаборицкомъ и Стропковскомъ находящагося», объ изданіи епархіальнымъ управлениемъ воззванія къ духовенству о предварительной подпискѣ на этотъ трудъ, при чемъ авторомъ былъ предложенъ и его проспектъ. Къ сожалѣнію, о дальнѣйшей судьбѣ этого интереснаго труда въ архивѣ консисторіи никакихъ больше данныхъ не сохранилось.

Епархіальное управление съ большимъ вниманіемъ относилось также и къ изданію первого карпаторусского журнала, издававшагося въ 1856—1858 гг. Иваномъ Раковскимъ подъ названіемъ «Церковная Газета». Раковскій увѣдомилъ въ концѣ 1855 г. епархіальное управление о томъ, что мадьярское «Общество св. Стефана» въ Пештѣ приняло на себя съ 1 января 1856 года изданіе церковнаго журнала на русскомъ языке. При этомъ Раковскій опредѣлилъ цѣли этого журнала такъ: «сообщать разсужденія по всѣмъ отраслямъ наукъ богословія, нравственные рассказы, жизнеописанія святыхъ, поученія св. отцовъ церкви и разныя вѣсти». Епархіальное управление съ большой радостью дало Раковскому разрешеніе принять на себя редакцію и обѣщало рекомендовать журналъ духовенству и пѣвцо-учительству. (См. засѣданіе 31 октября 1855 г.). Къ сожалѣнію, журналъ скоро оказался въ затруднительномъ материальномъ положеніи. Раковскій прислалъ въ серединѣ 1857 г. извѣщеніе о томъ, что «Общество св. Стефана», по недостатку средствъ, отказалось съ 1 іюля того-же года въ покрытіи расходовъ по изданію, почему Раковскій и просилъ епархію прийти ему въ этомъ отношеніи на помощь. Епархія пошла ему навстрѣчу и ассигновала 288 гульденовъ на покрытіе задолженности, при чемъ обѣщала тоже обратиться къ духовенству съ призывомъ внести по возможности скорѣе подписную плату. Положеніе между тѣмъ улучшилось, ибо «Общество св. Стефана» приняло на себя уплату долга, значившагося за журналомъ до конца 1857 г. Это, однако, епархію не успокоило, и она обратилась снова къ духовенству съ просьбой поддержать журналъ, указывая на то, что было-бы стыдно, если-бы единственный карпаторусскій церковный журналъ пересталъ выходить; наконецъ, она пригрозила даже неаккуратнымъ подписчикамъ самыми строгими мѣрами. (См. протоколы консисторіи за 1857 г.)

Епархіальное управление не менѣе живо откликнулось также на мысль, родившуюся въ Пряшевской епархіи, основать «Литературное Заведеніе». Пряшевскій епископъ Іосифъ Гаганецъ предложилъ, именно, епархіальному управлению, чтобы, главнымъ образомъ, съ цѣлью снабженія народныхъ школъ учебниками, «едно общее изъ двухъ сихъ епархій Литературное Содружество учреждено и заведено было». Епархіальное управление съ радостью привѣствовало эту мысль и избрало особую комиссию для выработки устава общества. Вскорѣ нашелся и книгопечатникъ — Карль

Іегерь въ Ужгородъ, который изъявилъ готовность закупить кирилловскія и гражданскія русскія буквы, если епархія согласится печатать у него предположенные къ изданію учебники. Конечно, все это представляется теперь малозначительнымъ, но, если вдуматься въ тогдашнее положеніе карпаторуссовъ и вспомнить, что русскія книги, за отсутствіемъ шрифта, приходилось печатать въ Будинѣ или въ Вѣнѣ, то становится яснымъ, что указанное начинаніе являлось для того времени весьма важнымъ культурнымъ дѣломъ. Извѣстно, что, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, это начинаніе осуществилось въ еще болѣе крупномъ видѣ, а именно, что было учреждено настоящее культурно-просвѣтительное «Общество св. Василія Великаго», объединившее Подкарпатскую и Пряшевскую Русь. О плодотворной дѣятельности этого общества мы говорить здѣсь не будемъ, такъ какъ оно развивалось уже послѣ смерти епископа В. Поповича*).

Вообще, борьба за обезпеченіе національныхъ правъ карпаторусского народа велась въ то время, главнымъ образомъ, въ Пряшевской Руси, подъ предводительствомъ А. И. Добрянского. Однако, и Мукачевская епархія принимала въ этой борьбѣ посильное участіе. Протоколы консисторіи за эти годы показываютъ, какъ живо отзывались благочинные округа на всякое нарушеніе этихъ правъ.

Въ концѣ 1862 г. А. И. Добрянский предложилъ епархіи свою національно-политическую программу, которая и обсуждалась въ засѣданіи консисторіи 20 декабря того-же года. Программа была принята со слѣдующими поправками: 1) въ § 1, вмѣсто «Воеводина русская», надо поставить — «Княжество русское» (*«Orosz hercegség»*, *«Ducatus Ruthenorum»*) или «Земля русская» (*«Orosz föld»*, *«Orosz vidék»*, *«Terra Ruthenorum»*); во главѣ ея долженъ быть поставленъ особый губернаторъ или начальникъ края; 2) въ § 4: «помянутая царская печать, токмо цѣлые области едини, съ единымъ св. покровителя образомъ», а не отдѣльно для каждого округа; 3) въ § 37 было-бы желательно, чтобы суды были совершенно независимы отъ политического управленія; 4) въ § 47, вмѣсто «протопресвитерство», должно быть «архидіаконство», что же касается избранія епископовъ духовенствомъ, то было выражено сомнѣніе, согласится ли на это король; 5) слѣдуетъ еще опредѣлить, какъ будетъ производиться сборъ податей и рекрутскій наборъ; 6) если нельзя будетъ выдѣлить въ единое административное цѣлое всю карпаторусскую область, то надо, по крайней мѣрѣ, стараться, чтобы въ тѣхъ комитатахъ, гдѣ большинство населенія русское, жупаны были исключительно русскіе, прочие же чиновники соотвѣтствовали въ національномъ отношеніи общему проценту русскаго населенія; 7) надо требовать, чтобы русская народность соотвѣтственно была представлена также въ судахъ, Придворной канцеляріи, Намѣстническомъ совѣтѣ и министерствахъ. Всѣ эти поправки были пере-

*) См.: Ю. Гаджега, Исторія О-ва св. Василія Великаго, Ужгородъ, 1925.

даны всѣмъ депутатамъ 13 жупъ Мукачевской епархіи съ просьбой ихъ поддержать. Кооперація съ румынами, предложенная послѣдними, не осуществилась, что слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, соперничеству между карпаторуссами и румынами въ Мараморошъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Такъ-же твердо, какъ за народныя права, стояло епархіальное управлениe въ то время и за права и достоинство церкви, энергично борясь со всякими попытками унизить ее и проявляя большой консерватизмъ въ вопросахъ обряда, о которомъ обычно говорится, какъ объ обрядѣ «русскомъ». Въ 1854 г. Сиготскій римо-католический плебанъ позволилъ себѣ написать, въ связи съ намѣренiemъ одной римо-католической семьи принять восточный обрядъ, что, якобы, Мукачевское русское епархіальное управлениe побуждаетъ и многихъ другихъ на подобную «апостазію» (отщепенство), въ то время, какъ въ дѣйствительности управлениe, именно, совѣтовало этой семье оставаться въ своемъ обрядѣ. Въ отвѣтъ на это епископъ Поповичъ заявилъ передъ Сатмарскимъ латинскимъ епископомъ самый рѣшительный протестъ противъ дерзкой клеветы плебана.

Въ декабрѣ 1853 г., т. е. за годъ до формального объявленія догмы о непорочномъ Зачатіи, папскій нунцій предложилъ епархіальному управлению учредить духовно-нравственное общество подъ именемъ непорочного Зачатія пресв. Богородицы («*Pia societas, cui ab aurea corona nomen immaculatae Conceptionis Virginis Mariae*»). Рѣшеніе епархіального управления по этому поводу интересно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ послѣднее вообще смотрѣло на эту догму: «Непорочное пресв. Богородицы и Приснодѣвы Матери Зачатіе въ восточной церкви уже отъ вѣковъ и вѣковъ повсюду исповѣдуемо и почитаемо было, также и теперь вѣруется и почитается; и такъ на то, что вся, изъ многихъ миллионъ православныхъ душъ состоящая, церковь повсѣмѣстно держитъ и почитаетъ», то есть надобности вводить особое общество подъ подобнымъ названіемъ. (См. «Записникъ поднесеній» за 1854 г.)

Въ 1852 г. профессоръ богословія Лазарь Павловичъ предложилъ, чтобы въ «память Воплощенія Слова» каждое утро по церквамъ звонили. Консисторія высказалась по этому поводу въ томъ смыслѣ, что это западный, а не общи христіанскій обычай, введенный только въ 14 столѣтіи, восточная же церковь не звонить, но сердцемъ въ своихъ Богородичнахъ почти во всѣхъ богослуженіяхъ восхваляетъ Воплощеніе; а впрочемъ, говорится дальше въ соответственномъ рѣшеніи консисторіи, «если православіе безъ вопроснаго звоненія за столько столѣтій стояло и стоитъ, не видно, почему и далѣе не могло бы стояти».

III.

Въ неизбывной зашитѣ правъ и достоянія русской народности и церкви, епархіальному управлению при епископѣ В. Поповичѣ пришлось также вести ожесточенную борьбу и съ румынами изъ-за Сигота, этого главнаго центра Мараморошской Руси.

Римскій престоль, въ засѣданіи Тайной консисторіи 19 декабря 1853 г., рѣшилъ основать новую румынскую епархію въ Самошуйварѣ (Арменополисъ, *Gherla*, теперь въ Румыніи), къ которой должны были отойти также 94 румынскихъ прихода Мукачевской епархіи. Однако, несмотря на то, что въ буллѣ относительно новой епархіи были подробно перечислены всѣ уступаемые ей приходы, румыны, не удовлетворенные этимъ, требовали еще, при соединенія къ ней, сначала 10, а затѣмъ еще дальнѣйшихъ 5 (Мараморошскій Сиготъ, Кощель (*Rónaszék*), Нимтибу (*Szatmár Németi*), Сухой Берегъ (*Szárazberek*) и Шаркезъ-Уйлокъ). Особенно сильная борьба разгорѣлась изъ-за Мараморошского русского викаріата (мѣстоблюстительства) и тамошняго русского прихода. Со стороны румынъ были пущены въ ходъ всѣ средства — ожесточенная агитация, поддѣлка народной переписи, клевета. Мукачевское епархіальное управление давало всему этому стойкій отпоръ и, въ концѣ концовъ, побѣдило: всѣ эти лишніе приходы, на которые заявляли притязанія румыны, были оставлены въ составѣ Мукачевской епархіи, и только по румынско-чешскому соглашенію послѣ міровой войны они неожиданно отошли въ составъ Румыніи...

Первый Самошуйварскій епископъ Іоаннъ Алексій принялъ свою новооснованную епархію 7 сентября 1856 г., и тогда же Мукачевская епархія, въ лицѣ ея представителя, протоіерея Іоанна Чурговича, торжественно передала ему всѣ 94 перечисленныхъ въ буллѣ прихода. Вскорѣ, однако, новый епископъ внесъ жалобу, поддержанную и румынскимъ митрополитомъ, въ которой требовалъ передачи ему еще 5 приходовъ смѣшанного населенія, въ виду чего послѣдовало рѣшеніе, по поверхностному подсчету, присоединить около 12 тысячъ русскихъ гражданъ къ румынской епархіи. (См. Меморандумъ Мукачевской епархіи 14 марта 1857 г.)

Румыны основывали свои притязанія на томъ, что, якобы, въ населеніи этихъ приходовъ преобладаютъ румыны и что, будто-бы, Мукачевская епархія уже раньше отказалась отъ нихъ, что, однако, какъ увидимъ дальше, не соотвѣтствовало истинѣ. Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что въ это время Сиготскимъ викаріемъ былъ Петръ Андерко, румынъ (второй румынъ въ ряду Сиготскихъ викаріевъ, которыми обыкновенно были русские), работавшій, конечно, всячески въ пользу румынъ.

Дѣло началось съ того, что въ Великомъ Варадѣ (*Oradea Mare*, нынѣ въ Румыніи), 16 января 1850 г., румынскій комитетъ составилъ перечень приходовъ, которые должны-бы быть переданы румынамъ. Такимъ образомъ, это было сдѣлано односторонне, самими же румынами, и утвержденіе, что Мукачевская епархія отказалась отъ смѣшанныхъ приходовъ, совершенно невѣрно. Послѣ же того,

какъ всѣ подлежащія інстанціи отклонили неоправданныя румынскія претензіи, румыны подняли широкую агитацию и начали собирать среди населенія подписи въ пользу послѣднихъ. Мукачевская епархія, послѣ обсужденія дѣла въ капитулѣ и консисторіи, 2 декабря 1850 г., въ свою очередь, составила списокъ приходовъ съ ихъ «філіалками», на передачу которыхъ она была согласна. Позже, въ 1851 г. состоялось въ Великомъ Варадѣ, подъ предсѣдательствомъ Варадского епископа Василія Ерделія и въ присутствіи епископа В. Поповича, совѣщеніе для окончательного урегулированія вопроса о границахъ новой епархіи. На этомъ совѣщеніи Поповичъ самимъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ присоединенія 11.996 русскихъ прихожанъ въ 10 приходахъ, включенныхъ въ румынскій списокъ, указывая на то, что въ Мукачевской епархіи, кромѣ уступленныхъ уже румынамъ 94 приходовъ, нѣть ни одного больше румынского прихода. Такъ какъ, однако, Сиготскій викарій утверждалъ, что въ ней осталось еще 5 румынскихъ приходовъ (они отмѣчены выше), въ которыхъ живеть только незначительное количество русскихъ (едва нѣсколько десятковъ), то было рѣшено произвести въ этихъ приходахъ новую перепись. Эта перепись была вскорѣ произведена, при чемъ оказалось слѣдующее: смѣшанная комиссія изъ русскихъ и румынъ установила, что въ Сиготѣ живеть 796 душъ русскихъ, а именно, 64 семьи, имѣющія собственные дома, и 30 семей «жилияровъ» (не имѣющихъ дома), румынъ же 1027 душъ (въ число которыхъ были, однако, включены и русскіе, владѣющіе румынскимъ языкомъ), а именно, 62 семьи, имѣющія собственные дома, и 30 «жилиарскихъ» семей. Такимъ образомъ, русское населеніе, хотя и было въ меньшинствѣ, но оказалось болѣе состоятельнымъ*).

Въ общемъ, однако, казалось, что перепись благопріятствовала румынскимъ притязаніямъ, но нельзя упускать изъ вида слѣдующихъ фактovъ. Въ Сиготѣ церковь была построена на средства государственной казны, на земельномъ участкѣ которой живутъ русскіе; церковные книги по большей части церковно-славянскія; Евангеліе, помѣщенное, по восточному обряду, по серединѣ алтаря, тоже всегда было церковно-славянское, румынского же никогда въ алтарѣ не было; богослуженіе отправлялось на обоихъ языкахъ; всѣ викаріи, за исключеніемъ двухъ, были русскіе; кромѣ того, въ Сиготѣ постоянно прибывали поселяне изъ Галичины, въ виду чего было необходимо, чтобы настоятель и сотрудникъ говорили по-русски. Да и сами прихожане, какъ русскіе, такъ и румыны, проте-

*) Интересно отмѣтить, кстати, что, напр., «Шематизмъ клира Мукачевской епархіи» за 1829 г., когда не было еще и намека на основаніе новой епархіи въ Сиготѣ, насчитывалъ тамъ 1634 души съ преобладающимъ русскимъ языкомъ, въ Кощелѣ — 528 русскихъ и 540 румынъ, но говорившихъ и на русскомъ, и на мадьярскомъ языкахъ (при чемъ все русское населеніе было кореннымъ, а румынское, по собственному признанію, переселилось сюда позже), въ Нимтибѣ — 665 душъ съ преобладаніемъ русскихъ (по новой-же переписи оказалось всего 57 русскихъ на 217 румынъ), въ Сатмари Немети — 892 души съ русскимъ и румынскимъ языками.

стовали противъ присоединенія ихъ къ румынскай епархіи. Приходъ Сиготскій считался всегда русскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что осеннія ярмарки устраивались всегда за недѣлю передъ праздникомъ Покрова, а этотъ праздникъ у румынъ неизвѣстенъ. Въ Кощелѣ церковь была построена въ 1779 г. русскимъ населеніемъ; книги церковныя, за исключеніемъ одной, всѣ церковно-славянскія; настоятели всегда были русскіе; кромѣ того, много тысячъ русскихъ ежегодно приходять сюда изъ другихъ областей. Въ Нимтибѣ церковь была построена сто лѣтъ тому назадъ смѣшаннымъ населеніемъ; церковныя книги — церковно-славянскія и румынскія (было также нѣсколько книгъ греческихъ); богослуженія совершились по-русски и по-румынски; приходскіе священники были всегда русскіе. Приходъ съ незапамятныхъ временъ считался русскимъ, и при основаніи въ 1777 г. Велико-Варадской румынскай епархіи она не требовала его передачи. Сами прихожане протестовали противъ присоединенія къ Самошуйварской епархіи.

Румыны старались поддержать свои претензіи также и тѣмъ, что Римскій престолъ основалъ новую епархію, главнымъ образомъ, для того, чтобы укрѣпить унію среди румынъ, и что неприсоединеніе къ ней этихъ приходовъ явится большимъ соблазномъ и повергнетъ въ скорбь румынъ. Мукачевская епархія съ удовольствіемъ признала благую цѣль основанія новой епархіи, но одновременно высказала свои опасенія, что подчеркиваніемъ этой цѣли можно добиться какъ-разъ противоположныхъ результатовъ и что это можетъ скорѣе повредить уніи, чѣмъ принести ей пользу. Такимъ образомъ, подобными соображеніями нельзя обосновывать уступку приходовъ. Это могло бы быть только тогда, если-бы аргументы въ пользу уступки были основаны на правдѣ.

Румыны указывали еще на то, что Сиготъ окружень, будто-бы, чисто румынскимъ населеніемъ. Мукачевское епархиальное управление находило и этотъ доводъ неосновательнымъ и отвѣтило на него такъ: На пространствѣ между Сиготомъ и Ужгородомъ всего два маленькихъ прихода — Саплонца и Сарвасовъ — смѣшанные русско-румынскіе, всѣ же остальные — русскіе; точно такъ-же въ направленіи къ Бочкову вплоть до границъ Галичини всѣ приходы русскіе. Нельзя также ссылаться и на то, что послѣ мадьярской революціи Мараморошъ былъ раздѣленъ на двѣ части съ Сиготомъ и Густомъ, какъ центрами: Сиготъ для сѣверной, т. е. румынскай части, а Густъ для южной, т. е. русской части. Такое раздѣленіе Марамороша было произведено не по церковнымъ или національнымъ, а по административнымъ соображеніямъ; какъ Сиготскій жупанъ былъ жупаномъ и для русскихъ областей въ направленіи къ Бочкову до галицкой границы, такъ и къ Густскому жупанату принадлежали сосѣднія румынскія области.

Мукачевская епархія не считала состоятельнымъ также и утвержденіе румынъ, что, такъ какъ Сиготъ является центромъ мѣстнаго румынского населенія, то и болѣе подходящаго мѣста для

румынского викариата не можетъ быть, въ то время, какъ русскіе имѣютъ для этого четыре города. Она возразила на это, что Сиготъ находится на самой периферіи Мукачевскаго епископства и что онъ болѣе русскій, чѣмъ румынскій центръ, такъ какъ румыны со-ставляютъ всего одну треть, русскіе же — двѣ трети населенія Марамороша; впрочемъ, городъ находится между Ясинями, са-мымъ крайнимъ приходомъ, и Густомъ, вслѣдствіе чего онъ и болѣе всего пригоденъ, какъ мѣсто для русскаго викариата. И это возра-женіе вполнѣ соотвѣтствовало истинѣ. По статистикѣ Феньеша*), въ Мараморошѣ, изъ 176.615 человѣкъ населенія, было русскихъ (*oroszok*) 89.454, а румынъ 56.811. Для румынского викариата бо-лѣе соотвѣтствовалъ бы городъ *Nagy-B醣ua* (рум. *Baia Mare*), куда могли-бы принадлежать румыны Мараморошской и Сатмарской жупъ, а также 5 приходовъ изъ Угочанской жупы.

Претендую на Мараморошскій Сиготъ, румыны ссылались, какъ на главное основаніе, на то, что, по рѣшенію правительства 13 сен-тября 1776 г., Сиготское викаратство было основано въ первую очередь для румынъ, *«pro districtibus valachicis»*, т. е. для румын-скихъ уѣздовъ Мараморошскихъ и Сатмарскихъ. Насколько не-правильно настаивать на этомъ, показываетъ 5 пунктъ того-же распоряженія, въ которомъ говорится тоже о жалованьѣ четы-рехъ волошскихъ профессоровъ (*«salaria quattuor professorum vala-chicorum»*), при чемъ хорошо известно, что въ Ужгородскомъ Бо-гословскомъ лицѣ изъ четырехъ ординарныхъ профессоровъ былъ всего одинъ румынъ; точно такъ-же и дипломъ Леопольда II отъ 20 октября 1791 г., касающійся жалованья 4 волошскимъ профес-сорамъ, относится не только къ румынамъ, но по преимуществу къ русскимъ. Или чѣмъ можно обосновать утвержденіе, что Сиготскій викаратъ учрежденъ для уѣздовъ румынскихъ, когда ихъ всего 4 на 14 русскихъ?

Насколько притязанія румынъ не были оправданы, видно уже изъ того, что не только Мараморошскій Сиготъ, но и ни одинъ дру-гой приходъ, на который притязали румыны, не былъ внесенъ въ буллу обѣ учрежденіи новаго епископства.

Однако, какъ увидимъ дальше, борьба продолжалась. Кромѣ Сигота, она проявлялась особенно рѣзко въ Кошелскомъ приходѣ. Столкновенія между русскими и румынскими жителями участи-лись. Въ 1852 г. викарій Андерко жаловался на то, что настоятель притѣсняетъ румынскихъ прихожанъ. Изъ рѣшенія консисторіи отъ 4 сентября видно, что мѣстные румыны требовали богослуженія на румынскомъ языке, но, такъ какъ Кошелскій приходъ былъ всегда русскимъ, то священикъ долженъ и впредь совершать бого-служеніе по-прежнему; вмѣстѣ съ тѣмъ ему было предложено не пренебрегать русской проповѣдью. Смута, однако, не прекратилась. Андерко снова обратился отъ имени прихода къ епархіальному управлению съ просьбой — разрѣшить пѣть на одномъ клиросѣ

*) E. Fényes, Magyarország leírása, Пештъ, 1847.

по-румынски. По этому поводу было рѣшено запросить мнѣніе настоятеля. Отношенія между жителями обострились настолько, что Сатмарскій римо-католіческій епископъ Іоаннъ Гамъ доложилъ, что Кошелскіе румыны намѣреваются перейти на латинскій обрядъ, а посему онъ считаетъ нужнымъ назначить для разслѣданія дѣла комиссию изъ довѣренныхъ обѣихъ епархій. Мукачевское епархіальное управлениe рѣшительно воспротивилось этому предложенію, на томъ основаніи, что Кошелскій приходъ всегда принадлежалъ къ Мукачевской епархіи, а поэтому Сатмарскій епископъ не имѣеть права вмѣшиваться въ его дѣла. Благочинному Бочковскаго округа было поручено разслѣдовать дѣло въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) достовѣрны ли подписи лицъ, заявившихъ о желаніи перейти на римо-католічество? 2) почему они не прислали прошеніе прямо въ канцелярію епархіи, а вручили его плебану? и 3) по какой причинѣ хотятъ они оставить свой обрядъ? Впослѣдствіи оказалось, что въ этомъ дѣлѣ румынская рука сыграла большую роль.

Съ подобными же претензіями выступили румыны и въ Нимтиѣ, но особенно настойчиво старались они овладѣть положеніемъ въ Мараморошскомъ Сиготѣ. Въ послѣднемъ отношеніи не отказались они отъ своихъ требованій и послѣ объявленія папской буллы, стараясь присоединить Сиготъ къ Самошуйварской епархіи, главнымъ образомъ, послѣ того, какъ новоназначенный епископъ занялъ свой престолъ. Какъ смѣло они поступали при этомъ, видно, напр., изъ того, что въ 1860 г. викарій Андерко, безъ разрѣшенія Мукачевского епархіального управления, принялъ къ себѣ сотрудника изъ Самошуйварской епархіи, за что и получилъ отъ епископа строгій выговоръ. Въ 1861 г., по просьбѣ румынъ, Будинскій Намѣстническій совѣтъ затребовалъ дипломы, относящіеся къ основанію Мараморошь-Сиготскаго викаратства, отъ 5 декабря 1776 г. и 20 октября 1791 г., какъ равно и мнѣніе епископа. Епархія сразу же рѣшительно отвѣтила, что она по-прежнему полностью придерживается взглѣдовъ, высказанныхъ ю въ меморандумѣ отъ 14 марта 1857 г.

Когда румыны позже убѣдились въ томъ, что едва-ли добываютъ желанного успѣха прямымъ путемъ, они начали добиваться его другими способами. Такъ, они выдвинули планъ устройства въ Сиготѣ учительской семинаріи («предуготовальни»), а вслѣдъ за тѣмъ выступили съ предложеніемъ устройства въ Сиготѣ отдѣльнаго румынского викариата. Епархія рѣшительно воспротивилась обоимъ этимъ планамъ, какъ по церковнымъ, такъ и по національнымъ соображеніямъ. Будинскій Намѣстническій совѣтъ приспалъ въ 1861 г. «въ Сиготѣ учредиться намѣряемая волошскія предуготовни правила», для отзыва и утвержденія со стороны Мукачевского епархіального управления, которое передало ихъ особой комиссіи, съ тѣмъ, чтобы она высказала свое мнѣніе, «можно ли сицеваго заведенія учрежденіе въ епархіи нашей допустити, не будеть ли оно опасно для нашего русскаго языка, найчаще въ градѣ

Сиготъ, и не лучше ли было-бы его въ Великой Банѣ или инде воз-
ставити?» Комиссія высказалась въ общемъ отрицательно, «не
тожмоproto, бо сильно надѣется, что заведеніе сіе въ нашей епар-
хіи возстановлено не будетъ, но и proto, ибо въ правилахъ сихъ
со взоромъ управлениія сего заведенія ни Намѣстническому совѣту,
ни правленію епархіальному пристойный и надлежащій впливъ
обеспечень не есть». Викарій Андерко, со своей стороны, прислалъ
по этому вопросу въ епархіальное управлениe рѣшеніе своей кон-
систоріи, которую онъ составилъ такъ, что въ ней преобладали ру-
мыны. Конечно, и онъ получилъ рѣшительный отпоръ.

Въ 1862 г. Будинскій Намѣстническій совѣтъ предоставилъ
рѣшеніе судьбы Сиготского викаратства королевскому комиссару
въ лицѣ Сатмарского епископа Михаила Гааса, который увѣдомилъ
объ этомъ Мукачевскую епархію, прося назначить свою делегацію
на совѣщаніе 1 сентября того-же года въ Сиготъ. Делегація была
назначена, при чемъ въ числѣ ея членовъ находился и Иванъ Ра-
ковскій. Делегація получила слѣдующія инструкціи: 1) взять съ
собой всѣ акты, относящіеся къ Сиготскому викаратству; 2) Ан-
дерка, какъ лицо заинтересованное въ дѣлѣ, не допустить къ уча-
стію въ совѣщаніяхъ; 3) строго придерживаться положенія, что
этотъ приходъ, какъ русскій, долженъ остатся при Мукачевской
епархіи; 4) если противная сторона выступить съ планомъ осно-
ванія въ Сиготъ отдѣльного румынского прихода и викаратства,
то делегація должна заявить, что она, по даннымъ ей указаніямъ,
на это согласиться не можетъ, а епархія въ свое время выскажетъ
свое мнѣніе по этому поводу; и 5) въ случаѣ, если-бы румыны по-
желали учредить свой викаратъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ,
на своей теперешней территоріи, не противиться этому. (Прото-
колъ консисторіи отъ 16 августа 1862 г.)

Конференція состоялась въ назначенный срокъ, послѣ чего ея
предсѣдатель, Сатмарскій епископъ Гаасъ, извѣстилъ епархіальное
управлениe, что онъ предложилъ въ «высочайшее мѣсто» сообра-
женія о томъ, что слѣдовало-бы учредить для румынъ отдѣльное
викаратство и приходъ въ Сиготъ. Епархіальное управлениe, прежде,
чѣмъ возразить на это, рѣшило посовѣтоваться съ нѣкоторыми
виднѣйшими представителями администраціи Марамороша, какъ
съ королевскимъ комиссаромъ Петромъ Долинаемъ, Сиготскимъ
поджуаномъ Корниліемъ Добрянскимъ и другими, — «не имѣютъ
ли они изъ взора политического нѣкая основная противопримѣ-
ченія?». Мнѣнія разошлись. Но епархія придерживалась и далѣe
своего прежняго положенія: если румыны хотятъ имѣть въ Сиготѣ
отдѣльный приходъ и викаратство, то пусть учредять ихъ себѣ
безъ обремененія русскихъ прихожанъ, хотя лучше всего было-бы,
если-бы, согласно предложенію епархіи, сдѣланному въ 1851 г. на
совѣщанії въ Великомъ Варадѣ, Самошуйварское епископство
было перенесено въ В. Баню, такъ какъ въ такомъ случаѣ Мара-
морошское румынское викаратство сдѣжалось-бы вообще излиш-
нимъ. (Засѣданіе 15 августа 1863 г.)

Межу тѣмъ, столкновенія русскихъ и румынскихъ жителей Сигота продолжались, а, въ связи съ этимъ, въ епархиальное управліе поступали и взаимныя жалобы ихъ другъ на друга. Русские жаловались, напр., что Андерко составляетъ счеты самовольно и не заботится достаточно о преподаваніи Закона Божія, что онъ далъ изготавить «плащаницу противо обыкновенія и румынскимъ языкомъ обписанную» (послѣдняя была обслѣдована и, «про разныя малерскія ошибки», задержана въ Ужгородѣ) и т. д. Андерко, въ свою очередь, донесъ, что русские прихожане взбунтовались противъ него. Для характеристики тогдашнихъ отношеній въ Сиготскомъ приходѣ слѣдуетъ указать еще на то, что румынское гимнастическое юношество въ 1863 г. отказалось посѣщать русскую церковь и начало ходить въ латинскую.

Чтобы укрѣпить положеніе русской народности и церкви въ Сиготѣ, въ концѣ 1862 г. былъ выдвинутъ епархіей проектъ учрежденія въ Мараморошской жупѣ архидіаконства (что позже и на самомъ дѣлѣ осуществилось), въ такой, однако, формѣ, чтобы Сиготскій викарій въ то-же время состоялъ и Мараморошскимъ архідіакономъ.

Настойчивая борьба епархиального управлія за русскій характеръ Мараморошского Сиготаувѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Намѣстническій совѣтъ увѣдомилъ, въ концѣ концовъ, епархію о томъ, что правительство, рѣшеніемъ отъ 29 августа 1863 г., признало Сиготскій приходъ и викаратъ за нею, при чёмъ румынамъ не было разрешено вообще устроить въ Сиготѣ свою церковь и отдельный приходъ на средства религіознаго фонда.

Однако, тѣмъ не менѣе, вопросъ о румынской «предуготовнѣ» не заглохъ. Интересно, что епархія даже не знала, что послѣдняя уже существуетъ, и только, запросивъ Андерко, узнала объ этомъ. Какъ оказалось, уставъ «предуготовни», несмотря на несогласіе епархіи, былъ утвержденъ. Тогда епархиальное управліе, очутившись передъ совершившимся фактомъ, согласилось признать ея существованіе, съ той, однако, оговоркой, что она, находясь въ предѣлахъ Мукачевской епархіи, должна подчиняться контролю Мукачевскаго епископа.

Надо замѣтить, наконецъ, что впослѣдствіи положеніе все-таки измѣнилось въ пользу румынъ, и они получили въ Сиготѣ и отдельный приходъ, и викаратъ.

Кромѣ указанныхъ выше приходовъ, борьба шла и за нѣкоторые «філіалки» (філіальныя церкви). Епархиальное управліе въ 1857 г. добровольно отказалось отъ двухъ «філіалокъ» — Бочкова и Сухого Потока, хотя о нихъ въ буллѣ и не упоминалось, вслѣдствіе того, что приходъ Торна, къ которому они принадлежали, былъ переданъ Самошуйварской епархіи. Но румынамъ было этого мало. Не удовлетворившись рѣшеніемъ Рима, они въ 1863 г. насильно захватили принадлежащую къ Русковскому приходу «філіалку» Вышнее. Быстрое съ ея частями Красная и Черный Потокъ. Епархія протестовала и требовала ее вернуть, ссылаясь на

буллу, гдѣ она, какъ село русскаго (»ruthenici«) языка, особо была оставлена при Мукачевской епархіи. Несмотря на ясный текстъ буллы, епархія только послѣ вмѣшательства Придворной канцеляріи получила эту «філіалку» обратно, при чёмъ послѣдняя еще въ томъ-же году, въ награду за стойкость сопротивленія противъ ея присоединенія къ румынскай епархіи, была возведена въ степень самостоятельного прихода.

Отмѣченнымъ выше правительственнымъ рѣшеніемъ отъ 29 августа 1865 г. закончилась эта длительная и упорная борьба Мукачевскаго епархіального управления за русскій характеръ и цѣлостность Мараморошской Руси.
